
Камила Левитан ✦ Юнона Белова
Развод с предателем.
Ты сделал меня уборщицей,
но я стала хозяйкой завода!

Камила Левитан

Развод с предателем. Ты сделал меня уборщицей, но я стала хозяйкой завода!

«Автор»
2026

Левитан К.

Развод с предателем. Ты сделал меня уборщицей, но я стала хозяйкой завода! / К. Левитан — «Автор», 2026

Муж отобрал у меня всё: дом, дочь, доброе имя и патенты, на которых построил свой металлургический завод. Теперь я для него — бесправная уборщица, а его беременная любовница смеётся мне в лицо. Виктор уверен: сломленная жена никогда не докажет, кто создал его империю.Но у меня появляется опасный союзник — Дмитрий Вольский, главный конкурент бывшего мужа. Он предлагает сделку: мои знания против его денег и влияния.Я готова рискнуть ради дочери и вернуть украденное. Только Дмитрий тоже привык распоряжаться чужими судьбами. Смогу ли я победить предателя, не оказавшись в новой золотой клетке? И кому теперь доверить своё сердце после столь жестокого предательства?

© Левитан К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 17
Глава 6 20
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Камила Левитан, Юнона Белова
Развод с предателем. Ты сделал меня уборщицей, но я стала хозяйкой завода!

Глава 1

От казённого линолеума пахло мастикой. Этот запах потом ещё долго догонял меня в подъездах: хотелось повернуть назад, не дожидаясь, пока откроется дверь. Я стояла перед дубовой дверью кабинета прокурора, чувствуя, как пальцы намокают от холодного пота, хотя в здании было натоплено до духоты. Внутри меня всё кричало: «Скажи ему правду! Скажи, что накладные сфальсифицированы, что почерк Виктора я знаю лучше своего!» Но голос застрял в горле комком из ваты и пыли.

— Гражданка Громова, — мужчина за столом даже не поднял глаз от монитора. Его брови были аккуратно подровнены, а галстук затянут так туго, что кожа над воротником собралась складкой. — Мне поступило ходатайство вашего адвоката о вашей эмоциональной нестабильности. Вы истеричны. Вы агрессивны. Материалы дела вам предоставлены не будут. До свидания.

Это был конец. Не юридический, а человеческий. Система не просто отказала мне — она вытерла руки о моё лицо, назвав это гигиенической процедурой. Виктор купил тишину здесь так же легко, как покупал молчание дома годами. Он сделал меня сумасшедшей женой, которая путает документы и теряет контроль. И никто, абсолютно никто, не хотел слушать тихую мышь в очках.

Я вышла на крыльцо прокуратуры, и небо тут же разразилось. Ноябрьский ливень бил в лицо; я моргала, а вода всё равно попадала под очки. Серые стены здания расплылись, превращаясь в грязное пятно, и именно в этом пятне, прямо у ступеней, я увидела его.

Виктор Громов. Мой бывший муж. Человек, записавший на себя мои патенты на новые сплавы, ставшие основой для завода «СтальМет», пока я сидела ночами над чертежами, подкладывая под голову свитер дочери.

Он не торопился садиться в машину. Стоял под зонтом, который держал охранник, и смотрел на меня. В его взгляде не было злости. Была скука. Та самая, с которой хозяин смотрит на собаку, которая слишком долго путается под ногами.

— Ты выглядишь жалко, Алина, — его голос пробился сквозь шум дождя тихо, но отчетливо. Он подошёл ближе, нарушая личное пространство так грубо, будто я была мебелью. Пахло дорогим одеколоном и табаком. — Приставы завтра придут. За квартирой. Ника уже собрала твои вещи. Тебе там делать нечего.

— У тебя есть дочь, — прошептала я, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. — Маша одна в комнате. Ей четыре года. Она боится грозы.

Виктор усмехнулся. Холодно. Без капли тепла, которое когда-то я принимала за любовь.

— Маша привыкнет к новой няне. Или к детскому дому, если ты продолжишь устраивать скандалы в суде. Ты знаешь, как быстро судья поверит директору крупного предприятия, а не уборщице? Я дам тебе час. Верни ключи от офиса и подпиши бумаги о добровольном отказе от претензий на имущество. Тогда, может быть, я не буду забирать ребёнка.

Он развернулся, давая команду охраннику открыть дверь чёрного внедорожника. Я стояла, прижавшись спиной к мокрой стене, и старалась не представить Машу в чужой комнате без её ночника. Он использовал мою дочь как щит. Как рычаг. Как любой другой ресурс.

Ливень усилился. Порыв ветра ударил в лицо, выбивая очки. Я инстинктивно схватилась за сумку — ту самую, старую, кожзам которой облез ещё год назад. Ручка, которую я держала мёртвой хваткой, скрипнула и лопнула.

Это произошло в замедленной съёмке. Сумка раскрылась, как пасть хищника, выплёвывая всё содержимое в глубокую лужу у тротуара. Чертежи. Копии договоров. Фотографии Маши, сделанные на телефон и распечатанные тайком. Бумаги мгновенно промокли, превращаясь в серую кашу.

Я упала на колени. Прямо в грязь. Холодная вода моментально пропитала джинсы, обжигая кожу. Я ползала на четвереньках, шаря руками по скользкому асфальту, пытаясь собрать то, что осталось от моей жизни. Очки лежали рядом, залитые водой. Я подняла их, чтобы протереть, но мир стал мутным пятном. В отражении лужи я увидела своё лицо: бледное, искажённое гримасой боли, с мокрыми волосами, прилипшими ко лбу. Нижняя губа дрожала, и я прикусила её: только бы Виктор не увидел, только бы уже уехал.

И тогда я услышала звук мотора. Мощный, низкий рык, который заглушил даже шум дождя. Чёрная машина медленно подъехала к тротуару и остановилась буквально в метре от моих колен. Фары били слепящим светом, заставляя щуриться.

Дверь открылась. Из салона вышел мужчина. Высокий, в длинном пальто, которое, казалось, само отталкивало воду. Он не спешил. Шёл медленно, оценивающе, как покупатель на аукционе редких картин.

Это был Дмитрий Вольский. Владелец сети металлобаз. Конкурент Виктора. Человек, о котором в городе шептались, как о волке, который ест других волков.

Он остановился напротив меня. Я замерла с мокрой бумагой в руках, чувствуя себя обнажённой под этим тяжёлым взглядом. Он не предложил помощь. Не протянул руку. Просто смотрел сверху вниз, изучая мои дрожащие плечи, мои грязные руки, мои пустые глаза.

— Вы инженер Громова? — спросил он. Голос был бархатным, но в нём звенела сталь. — Или та женщина, которая подписала те самые накладные, из-за которых Виктор сейчас чувствует себя неуязвимым?

Я открыла рот, но слова вылетели куда-то в сторону. Горло перехватило. Я хотела сказать, что я не виновата, что он всё подстроил, что Виктор...

— Молчите, — перебил он резко. — Ваш язык вас выдаст быстрее, чем ваши руки соберут эти бумажки.

Он достал телефон, набрал номер, слушал пару секунд, а затем положил трубку обратно в карман.

— Ваша дочь сейчас плачет. Одна. В квартире, откуда Виктор уже велел выносить вещи. Виктор знает, что вы здесь. Он считает, что сломал вас окончательно.

Удар был точным. Ниже пояса. Страх за Машу затопил стыд. Я вздрогнула, как от пощёчины.

— Что вам нужно? — хрипло спросила я.

Дмитрий наклонился. Так близко, что я почувствовала запах мяты и дорогого табака, смешанный с дождевой свежестью. Его глаза были цвета мокрого асфальта. Опасные. Голодные.

— Мне нужен кто-то, кто знает технологию «СтальМет» изнутри. Кто знает, где зарыты настоящие черти. Вы можете встать и пойти домой, чтобы увидеть, как вашу жизнь разбирают по винтикам. Или вы можете сесть в мою машину.

Он указал подбородком на открытый салон автомобиля. Там было тепло. Сухо. Светло. Контраст с моей промокшей до костей кожей был настолько сильным, что я чуть не заплакала снова.

Я посмотрела на него. На этого человека, который не предлагал спасения. Он предлагал сделку. Он видел во мне не женщину, а инструмент. Потенциального союзника против общего врага. И в этом расчёте было больше честности, чем в любых клятвах Виктора.

— Если я сяду, вы отвезёте меня к дочери? — спросила я, чувствуя, как пальцы намокают от холода.

— Я отвезу вас туда, где вы будете полезны, — ответил Дмитрий. — Остальное решим потом.

Его жест был собственническим. Он не открывал мне дверь. Он ждал, пока я приму решение стать частью его игры. И я поняла, что выбора у меня нет. Назад дороги не было. Там была только грязь, потерянная дочка и смех бывшего мужа.

Я поднялась. Ноги дрожали. Я сделала шаг к машине, когда мой телефон, который чудом остался целым в кармане куртки, завибрировал. Экран показал имя «Тамара Ивановна». Моя соседка.

Я ответила, прижимая телефон к уху свободной рукой.

— Алинка? Ты где? — голос соседки был испуганным. — Тут пришли какие-то люди. Дворники, говорят. Они выносят вещи на лестничную клетку. Всё, что есть. Игрушки Машины тоже. Они сказали, что хозяйка квартиры теперь другая женщина.

Сердце пропустило удар. Потом ещё один.

— Что значит выносят? — прошептала я. — Маша там?

— Нет, её забрали раньше, я видела. Но вещи... Алинка, они всё ломают. Они сказали, что Виктор приказал освободить помещение немедленно. Твои личные вещи, твои чертежи... они всё кидают в мешки для мусора.

Я отключилась. Телефон выскользнул в лужу; я подхватила его, прижала к мокрой куртке.

Дмитрий видел, как изменилось моё лицо. Он не спросил, что случилось. Он знал. Он всегда знал больше, чем следовало.

— Он начал игру всерьёз, — сказал Дмитрий спокойно, доставая из кармана чистый платок. Он протянул его мне. Белый, накрахмаленный, контрастирующий с моей грязью. — Теперь ты либо мой партнёр, либо труп в статистике самоубийц. Выбор за тобой, Алина.

Я взяла платок. Ткань была мягкой, тёплой от его тела. Я прижала его к лицу, вдыхая запах мяты, который вдруг показался мне запахом свободы. Или ловушки. Я ещё не знала, что это одно и то же.

— Я сяду, — сказала я.

Дмитрий не улыбнулся. Он просто кивнул и отвернулся, направляясь к водительской стороне. Я шагнула в салон. Дверь захлопнулась за мной, отсекая шум дождя, гул улицы и всю ту жизнь, которую я потеряла пять минут назад.

Внутри пахло кожей и спокойствием.

— У тебя есть час, чтобы решить, кому ты служишь, — произнёс Дмитрий, заводя двигатель. Машина мягко тронулась с места, оставляя позади грязь и унижение. — Мне или тому мудаку, который только что выбросил твою жизнь на свалку.

Я посмотрела в окно. Ливень бил по стеклу, размывая огни города. Где-то там, в этой серой пелене, моя дочь оставалась без матери. А я сидела в тепле, с грязными руками, держащими платок незнакомца, и понимала, что переступила порог, за которым заканчивается терпение и начинается война.

Глава 2

После звонка соседки я заставила Дмитрия развернуть машину. У подъезда Тамара Ивановна уже ждала нас с Машей: девочку увела к себе няня, когда началось выселение. Соседка забрала её у няни, а мне сунула старую дорожную сумку вместо порванной. Дмитрий довёз нас до комнаты в коммуналке и уехал. Никакой сделки я в тот вечер не подписала.

Четыре дня я грела воду в чайнике, сушила Машины носки над обогревателем и ловила каждый её кашель. На пятый вызвала скорую. Дочь увезли с высокой температурой; у дверей палаты я впервые увидела слово «пневмония» в её карте.

Воздух в приемном покое частной детской клиники пах хлоркой и чужой бедой. Я стояла, прижимая к груди тяжелую сумку с документами, и чувствовала, как холодный линолеум пробирается сквозь подошвы моих дешевых ботинок. Маша лежала на носилках, её маленькое тельце вздрагивало от каждого кашля, а синюшные губы казались мне чернильными пятнами на этом стерильном белом фоне.

— Нам нужна госпитализация, — голос сорвался, но я заставила себя говорить четко. — У нее пневмония. Высокая температура.

Дежурный врач, мужчина с мешками под глазами и усталостью в каждом движении, даже не поднял головы от монитора. Его пальцы лениво барабанили по клавиатуре.

— Мест нет. И вообще, кто платит? Полис есть?

— Есть, — я протянула карточку. — Но Виктор Громов... он директор «СтальМет». Мы можем оформить гарантийное письмо от предприятия. Это срочно.

Врач наконец посмотрел на меня. В его взгляде не было злобы, только равнодушная скука человека, который видел таких, как я, сотнями. Он аккуратно вернул карточку обратно на столешницу, не коснувшись пальцами бумаги.

— Директор Громов не звонил. А без предоплаты или официального направления от страхового случая мы не принимаем одиночек с детьми. Вы понимаете? У нас не благотворительность. Если хотите другое обслуживание — идите в другую клинику. Если хотите выжить — ищите деньги здесь.

Меня словно ударило под дых. Одиночка. Слово повисло в воздухе, липкое и гадкое. Я достала телефон. Палец дрожал, набирая номер Виктора. Занято. Снова набрала. Занято. Третий раз. Тишина. Может, он просто игнорировал меня, зная, что я стою перед дверью жизни и смерти своей дочери. Статус «жены директора» испарился вместе с кольцом, которое я сняла три дня назад, когда поняла, что брака больше нет. Осталась только женщина в промокшем пальто, которая просит разрешения спасти своего ребенка.

Я отвернулась от регистратуры, чтобы скрыть слезы, и столкнулась нос к носу с Никой. Секретарша моего бывшего мужа была здесь. Она стояла у кофейного автомата, наполняя стаканчик, облаченная в дорогой шелковый халат поверх делового костюма. На её щеке играл румянец беременности, а живот округлялся, обещая наследника империи Громова.

Ника увидела меня. Её глаза сузились, превращаясь в щелки. Она сделала шаг навстречу, нарочно толкнув меня плечом в коридоре. Резко, грубо. Стаканчик выпал из её рук, кофе расплескался по моему серому пальто и горячими каплями ударил по тыльной стороне ладони. Боль обожгла кожу мгновенно.

— Убери свой мусор отсюда, уборщица, — шепнула она так тихо, что услышала только я. В её голосе звучала сладкая, отравленная ненавистью угроза. — Ты тут лишняя. Все лишние.

Я не ответила. Не вскрикнула. Не стала устраивать скандал. Я знала: любой конфликт здесь станет поводом для отказа в помощи. Администратор уже наблюдал за нами с сочувствием, смешанным с раздражением. Медленно, методично, я достала из кармана смятую салфетку и начала вытирать кофе с рукава. Кожа горела красным пятном, пульсируя в такт сердцу.

Ника фыркнула, развернулась на каблуках и уплыла прочь, оставляя за собой шлейф дорогих духов, который перебивал запах хлорки.

Я дошла до ресепшн. Руки дрожали, но я сжала их в кулаки, пряча ожог.

— Договор на стационарное лечение, — сказала я администратору, женщине с холодными, как льдинки, глазами.

Она молча положила передо мной бланк. Цифра в графе «предварительная стоимость» кружилась перед глазами. Это были все мои наличные. Даже больше.

— Мне нужно время до вечера, — произнесла я. Голос звучал чужим, механическим. — Я найду деньги.

Администратор пожала плечами.

— К восьми вечера. Кислород и врач сейчас, но дальнейший платный стационар надо оплатить или переводиться.

Я посмотрела через стекло: медсестра уже поправляла на Машином лице маску. Только тогда смогла отойти от стойки.

Я бежала. Не шла — именно бежала по мокрым тротуарам города, где осень окончательно перешла в грязную кашу. Ломбард находился в подвале старого жилого дома, вывеска мигала неоном, будто подмигивая греху. Внутри пахло пылью и страхом.

На прилавке лежало обручальное кольцо. Десять лет назад Виктор подарил мне его в день помолвки. Бриллиант, тогда казавшийся ослепительно ярким, сейчас выглядел тусклым камнем. Я положила его перед оценщиком — мужчиной с прыщеватым лицом и масляными глазами. Он взял кольцо пинцетом, повертел, посветил фонариком.

— Камень мутный, — констатировал он, не глядя на меня. — Металл — сплав. Покупатели такие не берут. Максимум пять тысяч.

— Там один карат, — возразила я, чувствуя, как внутри всё сжимается. — Это золото пятьсот восемьдесят пятой пробы.

— Спорить будем? Время идёт, девочка, пока ты споришь о пробе. Я считаю твои копейки. Пять тысяч. Или иди в другое место.

Пять тысяч. Этого едва хватало на первый взнос. Меня ограбили второй раз за день. Сначала система, теперь этот человек. Но я кивнула.

— Берите.

Когда он выписывал квитанцию, я смотрела на свои руки. Без кольца они казались голыми, незащищенными. Будто с меня сняли броню. Теперь я была полностью обнажена перед миром.

Деньги за кольцо легли во внутренний карман плаща. Я доехала до завода на автобусе, всю дорогу сжимая ладонь в кулаке: без кольца пальцы сами искали привычный холод металла. Служебный вход я знала до последней ступеньки — ещё вчера это был мой завод.

Автобус остановился за две остановки до проходной — я не хотела, чтобы знакомые лица видели меня у ворот. Дошла пешком, запахнув плащ и поднимая воротник. У служебного входа пахло хлоркой и мокрой тряпкой, а в шкафчике раздевалки висел тот самый серый халат, короткий для моего роста.

Офис «СтальМет» встречал гулом принтеров и запахом свежего кофе. Я вошла через служебный вход, переодевшись в серый халат уборщицы, который висел в шкафчике в раздевалке. HR-менеджер, Людмила Петровна, женщина с прической из лака и взглядом аудитора, листала мое резюме.

— Инженер-технолог, — прочитала она вслух, ирония сочилась из каждой буквы. — Защита патентов на новые сплавы. А теперь вы хотите мыть полы? Зачем вам эта работа, Алина Сергеевна? Вы будете саботировать процесс? Жаловаться начальству?

Я посмотрела ей прямо в глаза. Внутри не осталось стыда. Только холодная сталь.

— Мне нужны руки, которые не дрожат, когда я держу швабру, — ответила я ровно. — И мне нужны деньги сегодня. Прямо сейчас. За каждую отработанную смену.

Людмила Петровна замешкалась. Ей не понравился мой тон. Но ей понравилось, что я не оправдываюсь.

— Пробный день, — буркнула она, ставя печать. — Кабинет директора на третьем этаже. Генеральная уборка после шести. Чтобы ни пылинки.

Третий этаж. Кабинет Виктора.

Я заходила туда впервые за две недели. Раньше это был наш дом, наша крепость. Теперь — вражеский штаб. Я включила воду в ведре, добавила средство. Запах химии защипал в носу.

Дверь открылась, когда я уже терла паркет у окна. Виктор вошел первым. За ним, смеясь и цепляясь за рукав, шла Ника.

— ...а потом он сказал, что если мы не увеличим объемы, то потеряем контракт с Минобороны! — кричал Виктор, даже не глядя вниз.

Ника хихикала, цепляясь за его рукав.

— Да ладно тебе, Витенька. Ты же гений. Они сами знают, кому кланяться.

Они прошли мимо меня. Буквально. Их туфли ступили на только что вымытый участок пола. Виктор оставил жирный след от подошвы своего итальянского ботинка. Ника наступила рядом, ее изящная лодочка размазала влагу, оставляя грязный отпечаток.

Они не заметили женщину в сером халате, стоящую на четвереньках. Для них я была мебелью. Частью интерьера. Пылью, которую нужно смахнуть тряпкой.

Я не вскакивала. Не кричала. Я медленно, почти ласково, взяла чистую тряпку и стерла следы. Каждый миллиметр. Пока пол снова не заблестел, отражая потолок.

Виктор сел за стол, начал говорить по телефону, обсуждая суммы, которые могли бы купить мою жизнь десять раз. Ника сидела у него на подлокотнике, играя с кнопками на его рубашке.

Я продолжала работу. Протирала полки, складывала документы. Мои глаза скользили по бумагам. «Смета на модернизацию линии №3», «Переписка с поставщиками сырья», «Черновик договора о продаже активов».

Каждый документ, лежащий на столе Виктора, был оружием. Я запоминала названия файлов, даты подписания, имена контрагентов. Кабинет перестал быть местом страдания. Он стал картой минного поля. И я училась ходить по нему босиком, не оставляя следов.

Вечер опускался над городом серой пеленой. Смена закончилась. Я вышла через черный ход, где обычно выбрасывали мусор. Воздух был ледяным, пробирающим до костей.

У служебного входа стояла машина. Черный джип, мокрый от дождя. Рядом с ней, опираясь на крыло, стоял Дмитрий Вольский. Он курил, выпуская дым в темноту. Свет фар подсвечивал его профиль: резкие скулы, внимательные, хищные глаза.

Он не предложил помощь. Не спросил, как дела. Просто протянул мне белый носовой платок.

— У тебя кровь, — сказал он. Его голос был низким, бархатным и абсолютно спокойным.

Я посмотрела на свои руки. Кончики пальцев были разбиты о шершавый кафель стены, когда я тащила ведро. Кровь смешалась с грязью и остатками химического средства.

Я взяла платок. Дорогой хлопок. Пах табаком, морозом и чем-то еще — опасностью.

— Ты выглядишь как человек, который хочет убить кого-то, — Дмитрий сделал шаг ближе. Он навис надо мной, и я почувствовала давление его ауры, мощной и давящей. — Но боится испачкать руки.

Глава 3

Я вытерла ладони. Красные пятна остались на белой ткани. Я не поблагодарила.

— Сколько стоит твоя информация? — спросила я. Голос был твердым, хоть и осипшим. — О том, кто действительно управляет заводом, пока Виктор играет в куклы?

Дмитрий улыбнулся уголком рта. Эта улыбка не достигла глаз. В них был расчет. Холодный, математический расчет.

— Цена — твоя честность, Алина. Полная и абсолютная. Завтра в три часа. Мой офис. Не опаздывай.

Он забрал у меня использованный платок, сунул его в карман своего пальто, как трофей, и сел в машину. Двигатель зарычал, фары вспыхнули, ослепив меня на секунду. Джип уехал, оставив после себя облако пара и ощущение, что я только что заключила сделку с дьяволом.

Я осталась одна в темноте. В руке остался только запах табака и мороза, въевшийся в ткань серого халата. На платке, который он забрал, кровь смешалась с темными пятнами грязи. Но для Дмитрия это было доказательством того, что я готова идти до конца. Что я не жертва обстоятельств. Что я — инструмент, который сам выбирает, куда ударить.

Я развернулась и пошла обратно в больницу. К маленькой палате, где спит моя дочь. Деньги от кольца были в кармане; нужно успеть отдать их до восьми. Завтра я вернусь в этот ад. Но завтра у меня будет оружие.

Утром Дмитрий отменил встречу в офисе: написал, что сам найдёт меня после смены. Маше стало легче; медсестра обещала звонить, если температура снова поднимется. Я оставила у неё свой номер и вернулась на завод.

Дождь барабанил по жестяной крыше навеса, заглушая собственное дыхание. Я стояла у служебного входа «СтальМет», прижавшись спиной к холодному бетону. В кармане серого халата уборщицы лежала обычная канцелярская скрепка — та, которой я вчера открывала замок на шкафчике с химией. Сегодня она должна была стать моим ключом к чужой тайне.

Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь пульсом в висках. Если охранник заметит меня здесь, не в холле, а у технического архива, меня вышвырнут на улицу быстрее, чем я успею моргнуть. Но страх перед нищетой и болезнью Маши был сильнее страха перед унижением. Я посмотрела на электронную панель считывателя. Красный огонек мерцал равнодушно. Для системы я была никем. Пустым местом.

Я вытащила скрепку, распрямила её одним движением пальцев и просунула тонкий кончик в щель между корпусом панели и стеной. Инженерные навыки, которые Виктор годами называл «бабскими заморочками», сейчас были единственной валютой. Я нашла контакт обхода блокировки — грубая ошибка монтажников, которую он так и не удосужился исправить, уверенный, что никто из низшего персонала не полезет туда. Щелчок. Дверь со скрипом отворилась на миллиметр. Я нырнула внутрь, как мышь в нору, и тут же закрыла за собой тяжелый люк, чувствуя, как ладони становятся липкими от пота.

Внутри пахло плесенью, старой бумагой и машинным маслом. Темно. Холодно так, что зубы начинали выбивать дробь. Я включила фонарик на телефоне, направив луч вниз, чтобы не светить в потолок. Архив был завален коробками с макулатурой прошлых лет. Мне нужны были исходники патентов на сплав Г-12. Те файлы, которые Виктор присвоил, заявив, что они его рук дело.

Шаги раздались внезапно. Не тяжелые ботинки охраны, а цоканье каблуков. Легких, дорогих. Я метнулась за высокий стеллаж с папками, затаив дыхание так, что грудь болела. В дверном проеме появилась Ника. Её лицо было искажено гримасой раздражения, а в руке дымилась сигарета. Она говорила в телефон шепотом, но в тишине подвала каждый звук звенел, как колокол.

— Да, папочка. Завтра все будет готово. Он даже не догадается... Нет, эта мышь в коридоре шляется, но ей ничего не скажешь. Главное, документы подписаны. Мы продаем завод на металлолом? А технологии? Пусть горят синим пламенем, главное — деньги.

На металлолом? Я вцепилась в край стеллажа. Ника с отцом обсуждали продажу завода. Знал ли Виктор? Или они собирались обобрать и его? Мои чертежи, мои расчеты, моя жизнь — для них это просто кусок ржавого железа, который можно переплавить.

Ника бросила окурок в ведро и развернулась, направляясь к выходу. Свет в коридоре остался гореть. Я ждала, пока её шаги затихнут, и сделала шаг вперед, сжимая в рукаве халата флешку, найденную среди исходников. Именно тогда дверь кабинета директора напротив открылась.

Виктор Громов вышел, разминая шею. Его взгляд упал на тень у двери архива. Секунда тишины была оглушающей. Я увидела, как его глаза сузились, узнавая во мне силуэт своей бывшей жены. Он сделал шаг ко мне. Скорость реакции была нулевой. Паника сковала ноги.

И тогда я сделала то, чему научилась за десять лет брака: играть жертву.

Я резко осела на пол, хватаясь руками за горло. Запрокинула голову, имитируя приступ астмы, начав судорожно глотать воздух, захлебываясь притворными хрипами. Это было жалкое, грязное зрелище. Женщина в засаленном халате, валяющаяся в пыли, как брошенная собака.

Виктор остановился в двух шагах. Он смотрел сверху вниз, и в его взгляде не было ни капли сострадания. Только брезгливость. Как будто я испачкала ему дорогой костюм своим дыханием.

— Что за чертовщина? — рыкнул он, отходя назад. — Охрана! Уберите эту грязь отсюда! Мне тошнит от её вида!

Двое крепких мужчин в форме подбежали к нам. Один схватил меня за ворот халата и поднял на ноги, словно мешок с картошкой. Второй держался наготове, если бы я попыталась сопротивляться.

— Иди мочи полы, мышь, — процедил Виктор сквозь зубы, поправляя манжету рубашки. — И помни: дочь твоя умрет в очереди к врачу, если ты будешь дышать моим воздухом без разрешения.

Его слова впивались в кожу, как гвозди. Но внутри, под маской сломленной женщины, что-то щелкнуло. Он не проверил меня. Он презирал настолько сильно, что не мог представить, что я способна на хитрость. Пока он орал на охрану, я незаметно коснулась рукава, убедившись, что флешка с исходниками всё ещё там.

Меня вытолкали в холл. Шум совещания инвесторов доносился из-за стеклянных дверей, гул голосов, смех. Они праздновали победу над конкурентами, не зная, что один из них уже начал копать под их фундамент.

Я побрела в подсобку для инвентаря, где пахло хлоркой и сыростью. Там, сидя на перевернутом ведре, меня ждал Дмитрий Вольский. Он курил, выпуская дым в потолок, и я едва различала его лицо в полумраке.

Он не встал, когда я вошла. Просто медленно повернул голову. Его глаза, серые и холодные, как сталь, скользнули по моему лицу, затем по рукам, ищущим что-то.

— Ты рисковала всем ради кусочка металла? — спросил он тихо. Голос был бархатным, но в нем слышался звон клинка. — Или ради мести?

Я молча достала флешку из рукава и положила её на стол, покрытый пылью. Дмитрий взял её двумя пальцами, прокручивая между ними, как фишку казино.

— Ради дочери, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Но и ради правды тоже.

Дмитрий усмехнулся. Впервые за всё наше короткое знакомство эта улыбка не была насмешливой. В ней было уважение хищника, увидевшего достойную добычу.

— Правда стоит дорого, Алина. Очень дорого.

Он положил флешку в карман пиджака и достал из внутреннего кармана конверт. Положил его на стол передо мной. Внутри лежали ключи и контракт.

— Я оплачу лечение Маши и предоставлю квартиру. Но взамен мне нужен полный доступ к внутренней бухгалтерии завода и твои знания. Ты станешь моим экспертом. Мы будем поглощать «СтальМет» по частям.

Гордость заставила меня отшатнуться. Опять покупка. Опять сделка, где я — товар. Виктор купил мою молодость, теперь этот хотел купить мою боль.

— Я не продаюсь, — сказала я жестко, глядя ему прямо в глаза. — Я работаю экспертом. Вы платите за мои знания, а не за мою жизнь. Никаких долгов. Никакого чувства вины.

Дмитрий замер. На мгновение в комнате повисла тишина, такая плотная, что можно было резать ножом. Затем он рассмеялся — коротко, сухо.

— Ты права. Деньги делают людей слабыми. А нам нужны сильные.

Он придвинул контракт ближе.

— Подпиши.

Я взяла ручку. Рука не дрожала. Когда я поставила свою подпись, телефон Дмитрия завибрировал на столе. Экран осветился именем «Виктор». Лицо мужчины мгновенно изменилось. Веселье исчезло, оставив после себя ледяную маску опасности.

Он ответил, слушая несколько секунд, а затем произнес фразы, от которых у меня по спине побежали мурашки:

— Если Ника узнает, что я здесь, сделка сорвана. Убери её из коридора. Прямо сейчас.

Он сбросил вызов и посмотрел на меня. В его глазах больше не было союзничества. Только расчет.

— Это был Виктор. Он уже догадался, что кто-то копался в архиве. Теперь он будет искать не тебя, а меня.

Дмитрий встал, накидывая куртку.

— Ты — приманка, Алина.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Я не просто исполнитель. Я живая мишень. Похоже, он использовал мой «обморок», шум в коридоре, чтобы спровоцировать Виктора на ошибку и заставить его показать карты раньше срока. Я ещё сжимала ручку, которой подписала контракт. Колпачок треснул у меня в пальцах.

Дмитрий подошел к двери. На пороге он обернулся. Его силуэт четко очертился в контровом свете дежурного освещения.

— Завтра в восемь. Не опаздывай. И научись стрелять, если хочешь остаться в живых после этой игры.

Дверь захлопнулась. В подсобке осталась только я, гул вентиляции и собственное учащенное сердцебиение, которое казалось мне теперь самым громким звуком в мире.

Глава 4

Квартира Вольского пахла не домом. Пахла стерильной пустотой и кондиционером. Стекло, хром, холодный мрамор под ногами, от которого сразу сводило пальцы. Ни одной лишней вещи, ни одной пылинки. Это была витрина, а не жилище.

Я стояла в прихожей с мокрым плащом на плечах, чувствуя себя грязным пятном на идеально белом ковре. Маша оставалась в больнице. Мне нужно было найти угол для её игрушек. Любой угол, где они не выглядели бы как вторжение варваров в храм порядка. Но здесь всё было прикручено к стенам или убрано в недра мебели. Я лихорадочно оглядывалась, ища хотя бы ящик для мусора, куда можно спрятать пластмассовых динозавров дочери, пока её не выписали и она не устроила хаос.

— Вы можете оставить вещи там, — голос прозвучал сухо, без интонаций.

Из глубины гостиной вышла женщина лет пятидесяти. Строгая форма, седые волосы собраны в тугой узел. Она смотрела на меня так, будто я была ошибкой в программном коде, которую пора удалить.

— Я сама, — пробормотала я, пытаясь забрать у неё из рук тяжелый чемодан с документами.

Она перехватила мою руку. Хватка была железной, неожиданной для такого худого запястья.

— Здесь не принято, чтобы гости таскали багаж. Идите в комнату. Отдыхайте.

Я отдернула руку. Кожу жгло. Она не просто убирала территорию, она охраняла её от меня. От моего страха, от моей бедности, от того факта, что я дышу этим дорогим воздухом.

— Спасибо, — сказала я тихо, но внутри всё сжалось в тугой ком стыда.

В ванной комнате тоже не было места для жизни. Зеркало во всю стену, полотенца, сложенные треугольниками. Я открыла шкафчик под раковиной, ожидая увидеть женские баночки, духи, крем для рук. Пусто. Только набор инструментов: разводные ключи разных размеров, отвертки, банка с WD-40. Дмитрий Вольский жил один? Или он считал, что настоящая женщина должна и губы красить, и текущие трубы чинить?

Я закрыла дверцу. Руки дрожали. На запястье пульсировала жилка, напоминая о недавнем дожде и прокуратуре. Я достала из кармана плаща смятые бумаги. Грязь въелась в волокна, превратив мои патенты в черные разводы. Я попыталась их расправить, но пальцы скользили. Комочек грязи упал на край ванны. Белый фарфор стал серым. Меня замутило. Я подхватила грязь салфеткой, потом ещё раз протёрла фарфор: вот теперь узнают, что я здесь.

Бумаги я сложила обратно в карман плаща и весь день не выпускала его из виду. Вокруг текла чужая, выверенная жизнь: горничная двигалась по квартире бесшумно, кондиционер гнал сухой холод, а я металась между комнатами, не зная, куда деть себя, и к вечеру осела на кухне у темного окна.

Вечер тянулся резиной. За окном гасли окна соседних домов одно за другим, а я сидела неподвижно, вслушиваясь в гул воды в трубах и лязг лифта за стеной. Плащ с деньгами за кольцо я не снимала: внутренний карман тяжёлым жгутом лежал у груди, и это был единственный тёплый вес на мне.

Дмитрий вернулся около десяти вечера. Он не стучался. Просто появился в дверях кухни, где я сидела, обхватив колени руками, глядя в темное окно. Его взгляд скользнул по мне, оценивая не состояние души, а готовность к работе.

Он молча положил на стол конверт и пластиковую карту.

— Деньги на лечение. Карточка доступа к серверам «СтальМет». Логин и пароль в конверте.

Я посмотрела на конверт, потом на него. Внутри кипело желание сказать спасибо, упасть в ноги, заплакать. Но вместо этого из горла вырвался твердый, чужой голос:

— Я не служанка.

Уголок рта Дмитрия дернулся. Усмешка была хищной, обнажающей зубы.

— Ты мой эксперт, Алина. Эксперты не служат. Они работают. За деньги.

Напряжение не исчезло, оно сменило знак. Если раньше я чувствовала себя жертвой, то теперь стала частью механизма. Шестеренкой в его машине возмездия.

— Иди спать, — бросил он и развернулся к барной стойке, налив себе виски.

Спальня была огромной. Кровать казалась гробом, накрытым шелком. Я легла, натянув одеяло до подбородка. Тишина давила на уши. В этой квартире даже часы не тикали.

Сон пришел быстро, но принес с собой кошмар. Виктор. Его большие руки сжимают подушку на моем лице. Воздуха нет. Легкие горят. Я задыхаюсь, слышу его смех: «Ты ничего не стоишь без меня».

Я рванулась вверх, захлебываясь воздухом. Сердце колотилось так, что ребра болели. Пот стекал по спине, холодный и липкий.

И тут я услышала это. Скрип пола. Где-то в коридоре. Кто-то ходил. Медленно, методично, приближаясь к спальне.

Паника ударила в голову сильнее кошмара. Я схватила телефон. Пальцы соскользнули с экрана. Позвонить Дмитрию? У меня был только его рабочий номер. Что он скажет? Что я параноик? Или что я слишком эмоциональна для работы?

Шаги остановились у двери.

Ручка повернулась. Дверь бесшумно открылась. Свет коридора резанул глаза, заставив зажмуриться.

Передо мной стояла горничная. В руках стакан воды и маленькая упаковка таблеток.

— Он знает, что вы боитесь темноты, — сказала она тихим, почти безжизненным голосом. — Он оставил свет в коридоре включенным. Примите успокоительное. Завтра будет долгий день.

Жест доброты оказался клеткой. Дмитрий следил за мной даже во сне. Моя безопасность оплачивалась полным контролем. Я взяла стакан. Вода была холодной. Таблетка на языке имела горький привкус предательства собственной свободы.

Я выпила всё залпом. Горничная молча забрала стакан и скрылась в темноте.

Сон пришёл быстро и без снов — об одной из таких радостей клетки не пишут в проспектах. Последнее, что я запомнила, — щелчок выключателя в коридоре и шаги, удаляющиеся к дальней двери.

Ночь провалилась в чёрный колодец: ни образов, ни звуков, только издалека донёсся гул моторов да скрипнула кровать подо мной, когда я переворачивалась со спины на бок.

Утро началось с боли в висках и ощущения, будто спала я вдвое меньше положенного. Остатки снотворного все еще держали сознание в плену. Я встала, ноги гудели.

Зашла в ванную. Посмотрела в зеркало. Под глазами синяки, кожа землистая, волосы растрепаны и торчат в разные стороны. Я начала приводить себя в порядок, привычным движением растирая тональный крем. Рука замерла.

На запястье, под слоем тонального крема, проступил старый шрам. Ожог от плиты. Восемь лет назад. Виктор кричал, что помощники ему не нужны, что я должна справляться сама, пока он играет в покер с друзьями. Я тогда не успела отдернуть руку от раскаленной конфорки. Боль была такой острой, что я потеряла сознание. А он только усмехнулся: «Не умеешь готовить — не жалуйся».

Моё тело помнило унижения лучше, чем разум. Кожа помнила страх. Мышцы помнили напряжение. Чтобы победить Виктора, мне нужно было перестать быть жертвой — в бумагах и в плоти. Хотя бы перестать прятать запястье, когда на меня смотрят.

Я схватила влажную салфетку и начала яростно стирать макияж. Тональный крем оставался на салфетке. Под ним осталось голое лицо. Жесткое. Холодное. Без маски «тихой мышки».

Я посмотрела себе в глаза и потянулась за полотенцем. Щипало веки; на лице остались красные следы от салфетки. В таком виде и пойду.

Сегодня я пойду на завод. Не как жена должника, не как уборщица. Как технолог, который знает, где зарыта бомба.

Вернувшись в спальню, я увидела на столе очки. Те, которые слетели у прокуратуры и ударились об асфальт. Одна линза треснула, оправа погнулась.

Я села на пол. Достала из кармана тюбик суперклея, который носила с собой со времен коммунальной квартиры. Капнула аккуратно на сломанную дужку. Прижала её к оправе, стараясь не коснуться клея.

Трещина в линзе делила мир на два сегмента. Но оправа теперь держалась; можно было читать, не придерживая её рукой.

Я надела очки. Виски всё ещё ныли, зато буквы перестали расплываться.

Открыла ноутбук Дмитрия, который лежал на прикроватной тумбочке. Пароль не нужен. Экран уже был активен. В папке «Проект» лежал файл. Название было написано крупным шрифтом:

«СтальМет_Схема_Взрыва.pdf»

Я открыла файл. Красные стрелки показывали аварийный выброс из установки термообработки, рядом были нанесены школа и жилые дома. Не инструкция к подрыву — расчёт последствий отказа. Внизу стояло: «Предварительно. Нужна проверка технолога». Я придвинула ноутбук: вот зачем ему понадобилась я.

Виктор думал, что я сломана. Он думал, что я буду собирать его осколки и платить за них своей жизнью. Но он забыл главного: я инженер. И я знаю, как читать чертежи. Даже те, которые ведут в ад.

Глава 5

Машу выписали через неделю. Ещё несколько дней мы провели дома, а потом врач разрешил вернуться в сад.

Дождь хлестал по брезентовому тенту ангара, создавая ритмичный гул, который заглушал стук моего сердца. Я стояла у служебного входа со стороны склада, чувствуя, как холод пробирается сквозь тонкую ткань униформы уборщицы. В кармане фартука лежал телефон — единственный ключ к жизни Маши, единственный шанс вернуть то, что Виктор называл «своими патентами».

Меня остановила рука охранника Гены. Тяжелая, пахнущая табаком и дешевым спиртом ладонь легла на моё плечо, не давая шагнуть дальше.

— Алина Сергеевна? — он прищурился от света фонаря. — Вы же... жена Виктора Андреевича. Или бывшая? Он сказал, никого после десяти. Ни души. Даже мышей.

— Гена, — я заставила себя улыбнуться так, чтобы уголки губ не дрожали. — Помнишь прошлую пятницу? Ты был в подсобке с бутылкой «Столичной». Дверь была не закрыта. Если Виктор узнает, кто дежурил в нетрезвом виде во время ночной смены... Твоя пенсия, твои внуки, твой спокойный сон — всё это испарится быстрее, чем та водка.

Гена побледнел. Его пальцы разжались.

— Пять минут, — проскулил он, отводя взгляд. — Только пять. Камеры... они смотрят, но я скажу, что техника глючит.

— Спасибо, Гена.

Я нырнула внутрь, словно в темную воду. Воздух здесь был другим: тяжелым, пыльным, с запахом старой бумаги, плесени и машинного масла. Это был запах моего прошлого, запах цехов, где я когда-то считала себя частью чего-то большего. Теперь я просто тень.

Фонарик телефона выхватил из мрака ряды стеллажей. Свет вспыхнул, и где-то в углу раздался тихий механический щелчок. Камера. Она начала поворачиваться. Медленно, неотвратимо, как глаз хищника.

Если она зафиксирует моё лицо, Виктор узнает через минуту. И тогда не будет ни работы, ни денег на антибиотики для дочери. Будет только полиция и обвинение в промышленном шпионаже.

Инстинкт выживания включился раньше мысли. Я упала на колени, вжимаясь в грязный пол рядом со стеллажом с макулатурой. Колени мгновенно ободрались о ржавые уголки металла, боль острым ножом полоснула по коже, но я не издала звука. Подтянулась под нижнюю полку, скрываясь в слепой зоне объектива.

Сердце билось так громко, что мне казалось, Гена услышит его снаружи.

Я добралась до нужного шкафа — красного, металлического, с надписью «Проектная документация. Секретно». Раньше здесь висел простой навесной замок. Сейчас красовался электронный считыватель карт и клавиатура.

Виктор заменил замки неделю назад. После того, как я попыталась забрать свои личные вещи. Он хотел показать, что контролирует каждый дюйм пространства.

На экране мерцал красный индикатор: «Отказ доступа».

Беспомощность накатила волной тошноты. Я стояла здесь, в грязи, царапая коленки, а дверь перед моим носом оставалась закрытой. Я знала, что лежит внутри, а на табло горело: «Отказ доступа».

Телефон завибрировал в кармане. Один короткий сигнал. Дмитрий.

Я дрожащими пальцами поднесла аппарат к уху.

— Слушаю, — шепнула я.

Голос Дмитрия звучал хрипло, низко, вибрируя прямо в черепе. Он не здоровался.

— Код восемь-четыре-девять-два. Введите сейчас.

— Но...

— Введите код, Алина. Не спорьте. Система безопасности завода принадлежит мне столько же, сколько и ему. Просто он об этом пока не знает.

Пальцы сами потянулись к цифрам. 8492. Замки щелкнули, как выстрелы. Дверца распахнулась, выпуская наружу облачко пыли.

Я почувствовала ледяной холодок, пробежавший по спине. Дмитрий взломал защиту завода моего бывшего мужа удаленно. Пока я мучилась с замком, он уже был внутри системы. Кто этот человек? Спаситель или новый хозяин клетки?

Внутри шкафа лежали папки. Оригиналы чертежей сплавов. Те самые, которые я рисовала ночами, пока Виктор храпел рядом, считая меня удобной домохозяйкой.

Я достала телефон, готовясь сделать снимки. Щелк. Щелк. Страницы летели одна за другой. Руки тряслись, но глаза жадно впитывали доказательства. Здесь были подписи инженеров, дата разработки, мои расчеты. Все.

Шаги.

Не осторожные, шаркающие шаги Гены. Тяжелый, уверенный стук ботинок по бетону. Брендовые туфли на толстой подошве. Я знала этот звук. Он резонировал в каждой клетке моего тела годами страха.

Виктор.

Он вернулся за забытыми документами? Нет, он искал утечку. Он чувствовал опасность.

Дверь в архив начала открываться. Скрип петель прозвучал как приговор.

Убежать было некуда. Окна на высоте пяти метров, главный вход один. Пожарный выход был далеко, за рядами стеллажей.

Инстинкт зверя загнал меня в угол. Рядом стояла пустая картотечная тумба для старых перфокарт. Она была высокой, узкой, с откидной крышкой.

Я нырнула внутрь, задвинув крышку за собой. Темнота сомкнулась вокруг, плотная и удушающая. Пахло сухостью и деревом. Я сжала руки в кулаки, прижимая телефон к груди, чтобы экран не светился сквозь щели.

Свет в архиве включился. Резкий, режущий глаза даже через веки.

— ...Да, Ника, успокойся, — голос Виктора заполнил пространство. Он говорил по телефону, ходя туда-сюда. Его шаги эхом отдавались в металлических стенах. — Эта мышка? Да, я её задавил. Полностью. Она теперь полы моет за гроши. Смешно, правда? Та, которая умнее всех в этой конторе, теперь убирает мой сортир.

Я сжала зубы так сильно, что заныли десны. Внутри ящика стало жарко, душно. Каждый вдох давался с трудом.

— Патенты? Они уже у меня. А эти... — он остановился совсем близко к моему укрытию. Я чувствовала запах его дорогого одеколона, смешанный с сигаретным дымом. Этот запах всегда вызывал у меня тошноту, и сейчас он ударил в голову. — Эти чертежи лежат здесь. Никто их не тронет. Я проверю завтра утром перед советом директоров.

Его палец постучал по крышке ящика. Тук. Тук.

Сердце пропустило удар.

— Ладно, еду домой. Жду тебя, солнышко. Целую.

Он засмеялся коротко, злобно. Затем шаги удалились. Дверь хлопнула. Свет погас.

Тишина была оглушающей. Я ждала еще десять минут, боясь дышать. Когда я наконец выбралась, ноги стали ватными. Я опиралась на стену, стряхивая с лица пыль и паутины.

Внезапно рубильник в коридоре щелкнул. Погас и свет из коридора, оставив меня в абсолютной темноте.

Кто-то вырубил электричество.

Страх сменился яростью. В руке появилась тяжелая железная арматурина, которую я подобрала у стены.

— Выходи! — крикнула я в темноту, хотя голос предательски дрожал.

— Спокойно, Алина.

Знакомый бархатный бас. Дмитрий вышел из тени у пожарного выхода, ведущего за ангар.

Он не включил свет. Просто протянул руку. В его ладони лежал чистый платок.

— Вытри лицо. У тебя кровь на щеке. От царапин.

Я машинально взяла платок. Его пальцы коснулись моей шеи. Кожа вспыхнула электрическим разрядом. Страх смешался с непонятным, запретным возбуждением. Он был опасен. Как и Виктор. Но этот хищник видел во мне не жертву, а партнера.

— Есть что-то? — спросил он тихо.

— Да. Всё.

Он взял у меня телефон, быстро пролистал галерею, проверяя качество снимков, и при мне нажал отправку. Снимки ушли на его планшет; телефон он вернул мне.

— Идеально. Идем.

Мы вышли через пожарный выход, минуя охрану. Машина Дмитрия, черный внедорожник, ждала в тени ангара.

Когда мы садились в салон, фары соседнего грузовика осветили дорогу. Навстречу нам вышла Ника.

Она держала в руках папку с чеками, явно придя забрать документы для бухгалтерии. Её каблучки звонко цокали по асфальту.

Она увидела нас. Сначала удивление, затем узнавание. Её лицо исказилось гримасой отвращения и торжества.

— О, Алинчик, — протянула она сладким, ядовитым голосом. — А ты всё-таки нашла себе работу. Хотя бы в качестве прислуги для господина Вольского?

Она достала телефон, направляя камеру на меня, грязную, в униформе, рядом с Дмитрием.

— Виктор Андреевич будет очень рад увидеть фото своей бывшей жены в компании конкурента. Это называется «измена», верно?

Дмитрий не стал спорить. Он вышел из машины, спокойно подойдя к Нике. Он был выше неё почти на голову. Его тень накрыла её целиком.

Ника побледнела, но продолжала держать телефон поднятым.

— Опустите трубку, Ника, — голос Дмитрия был ровным, без эмоций.

— А то что? Прикажете?

— Ваш отец работает грузчиком на складе металлобазы «Восток». Это моя сеть. Если эта фотография попадет в руки Виктору, я уволю вашего отца сегодня ночью — без объяснений и без отработки. Просто потому, что его дочь связалась с людьми, которых он ненавидит.

Ника замерла. Телефон медленно опустился.

— Вы... вы не посмеете.

— Я уже посмел уничтожить три завода, которые мешали мне дышать, — Дмитрий посмотрел ей прямо в глаза. — Стирайте. Сейчас.

Ника, дрожа от злости и страха, нажала кнопку удаления. Фото исчезло. Она развернулась и побежала прочь, шлепая каблуками по лужам.

Я сидела в машине, глядя на свои грязные руки.

— Ты жесток, — сказала я.

— Я эффективен, — ответил Дмитрий, заводя двигатель. — Разница в том, чего мы добиваемся. Я хочу получить работающее предприятие. Он — забрать деньги и оставить железо ржаветь.

Глава 6

Дорога до моего подъезда заняла пятнадцать минут. Мы молчали. Я перебирала в голове кадры, которые успела сделать. Чертежи. Подписи.

У подъезда Дмитрий заглушил двигатель и открыл снимки на планшете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.